

— Что вы делаете? Пока не остыло — ешьте.

—

Когда я замешкался, он сам зачерпнул кашу одноразовой ложкой и подул на неё.

— Скажи «а~».

— Нет, я сам съем.

— Уже остыло. А~.

Дело было не в том, остыла ли каша...

Я колебался, и на губах Джун Сынхёка появилась мягкая улыбка.

— Почему? Боишься, что я подсыпал туда что-то?

Несмотря на его улыбающийся рот, взгляд оставался холодным. Меня будто током ударило — я поспешно замотал головой.

— Конечно нет. Просто неловко... Я сам съем, правда.

— Нет. Я тебя покормлю.

— Не надо.

— Открой рот.

В его ровном голосе чувствовалось давление. Это была не просьба, а приказ.

Я подчинился. Может, в этой каше действительно есть снотворное или яд... Но я бы умер ещё раньше — за то, что осмелился послушаться Джун Сынхёка.

Каша была тёплой, сытной, насыщенной — настоящий вкус каши.

Никакого странного привкуса или горечи. Обычная еда?

— Ну как?

— Вкусно. Где купил?

— В «Суши-баре» у южного выхода.

«Суши-бар» — самая известная суши-ресторация в округе. Дороговато, но вкус на высоте.

— Разве они продают кашу?

— В меню нет, но если попросишь — приготовят.

— Вот как...

Получается, можно заказывать блюда вне меню... Ни в прошлой, ни в этой жизни я бы до такого не додумался.

Раз он даже название ресторана спокойно называет — значит, ничего он не подсыпал... Наверное.

— А~.

Джу Сынхёк снова потянулся с ложкой к моему рту.

— Всё нормально, дальше я сам.

— Только ещё одну ложку.

— ...Ладно.

И я снова открыл рот.

— А ты сам не хочешь поесть?

— Я наелся, просто глядя, как ты ешь.

— Так не бывает.

В бумажном пакете от еды осталась ещё одна одноразовая ложка. Я достал её и протянул Сынхёку.

— Ешь со мной.

— Не стоит.

— Мне одному это не осилить.

Он молча смотрел на ложку. Хоть я и предлагал искренне, его реакция вызвала у меня новое подозрение.

Он что, и правда что-то туда подмешал?

— Хён...

В тот момент, когда меня снова захлестнула тревога, он заговорил.

— А?

— Хочу, чтобы ты меня покормил.

— Что?

— Хочу, чтобы ты покормил меня.

Щёки Джу Сынхёка окрасились в красный. Он что, стесняется?.. Нет, это же одержимый сталкер-маньяк. Он не может стесняться.

— Хорошо...

Я кивнул и поднёс ложку ко рту Сынхёка.

Два парня за двадцать, и один другого кормит кашей... Что мы творим вообще?

— Как тебе?

— Раз ты кормишь — в сто раз вкуснее.

Он улыбнулся.

Если он так спокойно ест сам, значит, действительно ничего в каше не было. Почувствовав

облегчение, я впервые за долгое время смог нормально взглянуть на его лицо.

С тех пор как я отказался от контракта с ним семь лет назад, мы не были так близки. Впрочем, прошлой ночью, возможно, были ещё ближе... Но я ничего не помню.

В детстве он был прозрачным, красивым мальчиком, словно из стекла.

Я думал, что с возрастом он стал холодным и резким, но сейчас, глядя на эту мягкую улыбку, вижу, что детская невинность всё ещё в нём осталась.

Когда я снова зачерпнул кашу, он внезапно схватил меня за руку.

— Чего?

Я вздрогнул, а он мягко ответил:

— А ты? Ты ведь тоже должен есть.

— Да, конечно.

— Я тебя покормлю.

— Нет! Я сам могу!

Прежде чем он успел накормить меня, я поспешно засунул ложку в рот.

— А!

И тут же понял свою ошибку. В спешке я съел ту самую ложку, которую собирался отдать ему.

— Прости, это же твоя ложка...

Я ошарашенно посмотрел на ложку и пробормотал.

— Косвенный поцелуй, получается?

Джу Сынхёк беззаботно засмеялся. Кажется, не злится.

— Что же делать...

Посуды у меня в общежитии нет. Есть только деревянные палочки, которые прилагались к лапше, но кашу ими не поешь.

В комнате нет раковины, а если я помою ложку в умывальнике ванной, ему, скорее всего, не понравится. Это может стать моим последним днём.

Пока я пребывал в панике, Сынхёк взял у меня ложку и без всякого смущения зачерпнул кашу.

— Эй!

— Чего пугаешься?

— Я же ей ел!

— Вот и хорошо.

— Но...

— Мы всю ночь друг друга целовали и облизывали. А ты о какой-то ложке волнуешься?

—

Лицо мгновенно покраснело от стыда.

Он ведь не врёт, но это же... слишком откровенно.

— Давай ешь. Остынет.

— Угу...

Если я снова начну медлить, он и вправду всё докормит меня сам. Я поспешно взял ложку.

Когда мы доели, Джу Сынхёк достал из аптечного пакета лекарства.

— Это обезболивающее. Лучше не принимать, но если будет сильно болеть — выпей одну таблетку.

— Нет, потерплю.

Пока не настолько больно, чтобы пить таблетки.

— А это — мазь.

— Мазь?

— Вот туда.

Его взгляд остановился на моих штанах. И когда я понял, что именно он имеет в виду, он продолжил:

— Снимай. Я смажу.

— Что?

— Говорю, сними.

— Н-нет!

— Почему всё отрицаешь? Знаешь, сколько раз ты сегодня сказал «нет»?

Его большая ладонь провела по моей шее и медленно зарылась в волосы.

— Если ты продолжишь отказываться, мне будет обидно.

— И-извини...

Под давлением холода, пронизывающего голос, я опустил голову.

— Ты и «извини» тоже говоришь слишком часто. Так не делай того, за что извиняешься.

В его расслабленных словах чувствовалась леденящая угроза.

— Ли Ёнсу, ты правда считаешь меня таким простаком?

— Нет...

— Опять всё то же: «нет», «извини», «не хочу». Ты вообще умеешь говорить что-то другое?

—

Что я такого сделал, чтобы разозлить сталкера-маньяка?..

Я испуганно опустил голову, и он сжал мои волосы.

Это не было слишком больно, но достаточно, чтобы напугать.

— Правда нечего сказать?

—

— Ладно. Всё. Снимай штаны.

—

Та же жуткая мана, что раньше, окутала мою голову и шею.

От страха перед смертью по щекам потекли слёзы.

— Ты плачешь?

Я плотно сжал губы и замотал головой.

— Плачешь же. Почему? Объясни.

Он спросил спокойным голосом. Не грубо, но всё равно казалось, будто меня запугивают.

Я не мог просто так сказать: «Боюсь тебя, сталкер-маньяк!» — поэтому поспешно выдумал другую причину:

— М-мне стыдно...

Чуть не добавил вежливое «сэ» в конце.

— Почему стыдно?

— Ты... просишь раздеться...

— Я же хотел просто намазать мазью. К тому же, мы уже всё друг у друга видели. Чего стесняться?

—

Может, ты и видел, но я-то ничего не помню!

Когда я вновь замолчал, Джу Сынхёк вытер мои слёзы пальцем.

— Если не хочешь — просто скажи. Зачем плакать?

— Ты же сам запретил говорить, что не хочу...

Несмотря на страх, я не смог скрыть обиду, и с губ слетела жалоба.

Сынхёк внезапно рассмеялся.

— Ха-ха, точно. Я был неправ.

Вот именно! Ты неправ!

Я хотел согласиться вслух, но сдержался.

— Наш Ёнсу — такой застенчивый.

Он смеялся, как ребёнок, а потом резко обнял меня.

— Милый.

Милый?.. Я?..

Я ещё не успел осознать его слова, как что-то коснулось моих губ. Когда я понял, что это — его губы, было уже поздно. Я дёрнулся, чтобы отстраниться.

Но он успел схватить меня за шею.

— Открой.

Я подчинился, и его язык проник мне в рот.

Это было неожиданно, но я понимал: если укушу — мне конец.

Пока я изо всех сил сдерживал себя и не смыкал губы, язык Джу Сынхёка скользил внутри, исследуя каждый уголок моего рта.

«Что же делать? Как правильно это делать? Да как вообще целуются?!»

Я был в панике.

Меня больше пугал не сам факт поцелуя, а то, что я могу чем-то задеть Джу Сынхёка.

Я затаил дыхание, крепко напряг всё тело, чтобы случайно не дернуться, и прижал руки к груди — просто не знал, куда их деть.

Боялся сделать что-то не так.

В этой неразберихе его губы, наконец, медленно отстранились.

— Дышите.

— Фух...

Только после разрешения Джу Сынхёка я наконец осмелился выдохнуть.

— Почему ты так плохо целуешься?

И, как и ожидалось, последовал недовольный упрёк.

— Прости...

— Это твой первый поцелуй?

— Угу...

— Врёшь. Мы же вчера целовались. Ли Ёнсу, ну почему ты такой врунишка?

— Прости...

Я задрожал от страха: а вдруг он снова разозлится, если скажу, что не помню, что было вчера?

Но вдруг Джу Сынхёк неожиданно обнял меня.

— Я же не ругаю, не извиняйся.

Он нежно чмокнул меня в щёку и хитро улыбнулся.

Я растерянно смотрел на его ровно очерченные губы.

Разве у Джу Сынхёка бывает такое выражение лица?

Сейчас он не был одержимым психопатом, он казался обычным студентом с немного озорным выражением. Это было странное, двоякое чувство.

И Джу Сынхёк тоже не сводил с меня глаз.

— Кто бы мог подумать, что великий Ли Ёнсу на самом деле такой растерянный ботаник?

И в этот момент в его тёмных зрачках вспыхнул холодный, безумный огонёк.

Настоящий образ навязчивого, одержимого психопата будто вырисовался прямо передо мной.

<http://bllate.org/book/14448/1277613>